

СЦЕНАРИЙ

**творческого вечера, посвященного 75-летию
Героя Социалистического Труда,
Лауреата Государственных премий СССР и России,
академика –
Петра Лукича Проскурина**

«РУССКИЙ ПУТЬ»

На сцене: трио, квартет,
небольшой ансамбль народных
инструментов.

Ансамбль исполняет что-то
русское, широкое, нежное.

На сцене актер, исполняющий
роль Автора.

« Храм возносился в самой середине земли, в
сердцевине Москвы... и, многократно
отражаясь в пространствах неба и земли, был
виден далеко окрест всех рубежей русской
земли..., возносился легко и воздушно, дабы
возвещать истину о несокрушимости русского
духа в ратоборстве, в защите отчей земли, в
высокой духовности его создателей...»

Стоял храм в центре земли, и шли к нему из
года в год и стар, и млад со своим горем и со
своей надеждой; из года в год писалась
незримая вечная книга времен,
переворачивались ее страницы, жил народ
загорались и гасли свечи в храме...

Золотые купола храма плыли над Москвой,
сияя чистотой в бездонной синеве неба.

Распятая революцией Россия отсчитывала
бесноватые

двадцатые годы, и потекли, набирая свой
тяжкий бег тридцатые и сороковые, уже в
самом начале заставившие мир оцепенеть.

«Отречение», кн. 2,
с.с. 3-4-5

Отрывок печатается по тексту
«Роман-газеты» № 2 1, 1990 г.

Фонограмма:
«Россия»
(И.Тальков)

Автор на фоне
распахнутого во весь
защип сцени
звездного косяного
неба.

«Под недобрые взгляды косые
В свой пророческий путь
На Восток уходила Россия
Океану на грудь.

2.

И рассек азиатскую бездну
На тысячу лет
Славянской любви бесполезной
Загадочный свет.

(П. ПРОСКУРИН)

... Много раз за свою историю Русь начиналась со стука топора на еще дымящихся пепелищах; ратный подвиг России неотделим от подвига строительного. Путь России, на котором она, преодолевая немыслимые тяготы и преграды, двигалась на Восток, в леденящие просторы необозримых тундр, в разливы сибирской тайги, к самому громадному на земле океану, собирая в своем беспримерном порыве в единую семью большие и малые народы и народности, выковывая невиданное в истории человечества братство... Борозда народа-первопроходца ни на минуту не обрывалась ни в дышащих тайной бездонных глубин пропастях, ни в поднебесье., на доступных только бурям и солнцу перевалах...

/"Порог Любви"
Кн 2
с. 59

Вступает опять музыкальная
Русская тема, тема борения

... «Берега, низины, кусты и травы укрывал густой туман в это росное сентябрьское утро, и все новые русские полки, волны русского воинства, пешие и конные, накатывали, насколько хватал глаз; тускло сияли щиты и доспехи, на шеломах горели красные перья; никогда еще не собирала Русская земля такого воинства; и никогда она еще не была так едина в своем порыве победить. И скоро при громовых кликах войск началась невиданная сеча, и земля от тяжести столкнувшихся войск словно подвиглась и застонала; от звона мечей, копий, кольчуг, конского топота и ржания, яростных воплей раненых и умирающих содрогнулось и возмутилось само небо, и испуганное воронье, слетевшееся со всех

9.

окрестных земель, густыми рванными тучами
поднялось с дубрав, затмевая небо.
... И когда пришла, наконец, после побоища
сырая ночь, Куликово поле из конца в конец
стонало и шевелилось, и в тоскливом страхе от
несметного множества мертвых и раненых, от
одуряющего сладкого запаха свежей крови
выли в чащобах дикие звери; и от одного
русского города к другому уже летела весть о
великой победе, и потом целых восемь
нескончаемых дней оставшиеся в живых будут
собирать и предавать земле тела погибших в
этом ратном противостоянии, и над их
захоронением вознесется церковь
РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ из крепкого
дуба, и положит эта церковь начало
знаменитой русской РОДИТЕЛЬСКОЙ
СУББОТЕ – дню всеобщего поминовения
предков. И жгучий плач, и светлая горькая
радость потекут по Русской земле одной рекой,
одной дорогой...»

«Имя твое»
Москва, 1979 г.
с.с. 246-248

ВИДЕОРЯД:
НА ЭКРАНЕ
ПОКАЗЫВАЮТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЭПИЗОД
ИЗ КИНОДИЛОГИИ
«СУДЬБА»
ФИЛЬМ 2-ОЙ

Негромко вступает
Тема Великой
Отечественной войны
«Вставай, страна огромная»

В смертельную схватку с Гитлером
включилась вся мощь восставшего народа.
Встала на защиту поруганной Отчизны и сама
национальная историческая память народа, до
последнего смертного часа сознательно и
преступно отодвинутая и отвергаемая. Словно
благословляя бросавшихся со связками гранат
под танки, закрывавших своими телами
амбразуры вражеских дзотов орловских,

брянских, тульских, калужских, московских парней, за ними вставали великие тени Суворова и Кутузова, Ушакова и Нахимова, Александра Невского и Дмитрия Донского.

«Порог любви»

кн.1, с. 19

«Роман-газета»

Фонограмма:
Школьный звонок,
ребячий голоса,
зхлестнутые
автоматной очередью

Шла трагическая осень сорок первого. В средней школе №1, где я до войны учился в пятом классе, города Севска, районного центра на Брянщине, разъятой сейчас фронтами, минным полями, заграждениями, густо уставленной виселицами, немцы устроили госпиталь. Жестко действовали законы комендантского часа. Пробираясь задами школы, я вдруг натолкнулся на груды книг, выброшенных из школьной библиотеки в обрыв; весь обрыв за школой был завален книжками. Верхний слой размок, я вытащил наугад что-то в зеленом переплете; у меня в руках оказался «Тиль Уленшпигель»...

Пожалуй, трудно передать мое впечатление от «Тили»; помню, я и плакал и смеялся, и какой-то скрытый жар был во мне. Разумеется, я не понимал в свои тринадцать лет всей сложности художественной и исторической структуры книги, но сам Тиль, но Нелле! Их судьбы вошли в меня навсегда...

Титаны человеческого гения, нашедшие свое воплощение в вечных, непреходящих образах мировой литературы, встали в ту пору непреодолимой стеной между Добром и Злом и отодвинули от меня невыносимое по своему размаху и дисгармонии настоящее...

С того вечера я начал систематически перетаскивать книги из-под обрыва в старом мешке... Я сушил, раскладывал книги на чердаке, потом прятал. И Читал, запоем читал ночами при свете коптилки, и это спасло мне душу.

«Порог любви»

кн. I, "Р-газета"

с. 17

с. 19

Певец-мужчина
Исполняет песню
«Даль великая»
сл. Р. Рождественского,
муз. Е. Птичкина
из кинофильма «Любовь земная»

Певица исполняет песню
«Сладка ягода»
сл. Р. Рождественского,
муз. Е. Птичкина
из кинофильма «Любовь земная»

Затем – песню
«Кольцо»
на слова
Петра Проскурина
муз. Ю.Клепалова
(клавир прилагается)

АВТОР

Мне не раз придется возвращаться к образу матери, Прасковьи Яковлевны Проскуриной, простой деревенской женщины, давшей мне жизнь и сумевшей сохранить нашу с братьями душу в самое неистовое по жестокости, самое кровавое за всю историю человечества время. Возвращаясь к ее образу благодарной памятью, всякий раз нахожу новые подтверждения величия души простой русской крестьянки, русской женщины... Именно в войну наиболее полно проявился ее характер. Его я и старался отобразить в образе Ефросиньи Дерюгиной, самом любимом и сокровенном для меня образе»

«Порог любви» 2
кн.1, с. 20
«Роман-газета», №15

Актриса читает
отрывок из романа
«Судьба», с. 323

*Издай год "Дорога"
1993г. (см. след стр.)*

(Изд.дом «Дрофа», 1993 г.)

... «В этот вечер, всем на удивление, плясала Ефросинья; плясала вдохновенно и отчаянно, ни на кого не глядя, и все притихли; хороша и необычна была в этом танце Ефросинья и с минуты на минуту молодела и наливалась каким-то тревожным светом, словно год за годом трудной жизни и работы сбрасывала с себя; и был тот момент, когда ^{хочешь ты или нет,} раскрывается навстречу обжигающему и ясному дыханию жизни, и жжет этот ветерок и холодит, и крутит, и замирает от него сердце. Не было для нее сейчас ни детей, ни мужа, ни земли, ни неба, не было и людей, а была одна сжигающая страсть и желание освободиться т всего на свете.

И когда это случилось, глаза Захара, зажатого и затерявшегося в толпе, загорелись; надрывные, сумасшедшие переборы гармони Микиты Бобка куда-то отхлынули, и мучительный искрящийся свет ударил в него, и он остался лицом к лицу с Ефросиньей, с своей и уже не своей женой; он принял ее вызов и ступил в круг, через ту черту, где все начинается сначала, и нужно завоевывать все заново

*Певец - мужчина исполняет
"Джигу" Яковлева:
"Когда суща просилась
ты - полюбил и в
1. Батя..."*

Фрагмент из кинофильма

«Любовь земная»

финал, объяснение Ефросиньи с Захаром
перед объявлением о начале войны,

Одинокий женский голос
протяжно выводит:

«Во сырой земле-матери,
Много роду-племени,
Лежат бабушка и дедушка,
С батюшкиной стороны,
Лежат дедушка и бабушка
С матушкиной стороны...»

АВТОР.

Из романа «Имя твое»:

«Этими же днями в Густихах умер дед Макар
Сто два года ходил он по родной земле,
выращивал и обирал хлеб. ОН был неотделим
от Густих, его не замечали, как не замечают
неба над головой, земли под ногами, потому
что они всегда есть... Так что же есть смерть
каждого из нас? И что есть жизнь?»

Тот же женский голос
одиноким продолжает:

« А сыночков-детушек
По всему свету кости раскиданы,
Ночным зверем растасканы...
Свекор мой, батюшка, да возьми меня с
собой...
Расступись, мать сыра земля,
Прими на вечный покой...»

На сцене Ефросинья Дерюгина.
Она одна. Смутно у нее на душе,
Одиноко. Все вспоминается
молодость, Захар, дети

*Из сказки Карловки
романа "Наша жизнь"
— Тверской театр
драмы.*

ЕФРОСИНЬЯ. Кто там?
ЗАХАР. Открой, хозяйка... Свои...
ЕФРОСИНЬЯ. (пошатнулась, голос ударил по
самому сердцу). Кто там ?
ЗАХАР (устало и почти спокойно). Не
узнаешь? Переночевать у тебя можно,
пустишь?
ЕФРОСИНЬЯ (задыхаясь). Заходи .
ЗАХАР. Я не один Ефросинья.
ЕФРОСИНЬЯ. А кто ж там у тебя? Или хаты
перепутали? Поливановская, мания —она вон
рядом стоит.
ЗАХАР. Мальчонка со мной.
ЕФРОСИНЬЯ. Ну, заходи.
(Захар прошел, сел на лавку. Из-за спины его
вышел Вася, его сынишка от Мани
Поливановой, прижался к его коленям.
Ефросинья потопталась, передвинула
табуретку, зачем-то стряхнула
несуществующие крошки со стола. Захар сидит

сложить. Горы эти поперек всей нашей земли
протянулись...

ЕФРОСНЬЯ. Да доля, видать, такая впала.
Ванечка наш... Сколь лет прошло, а забыть не
могу... Бывает, ночью сердце зайдет, кричит
кто-то, кричит, зовет...

(Подхвачусь – нигде никого, тихо... Одна.

ЗАХАР. Уморился я, Фрося. Третьи сутки кое-
как, протрешь глаза кулаком, вот и весь сон.

ЕФРОСИНЬЯ. Иди, ложись, я тебе там рядом с
мальцом постелила.

ЗАХАР. Спокойной ночи, Ефросинья.

ЕФРОСИНЬЯ. И тебе, Захар.

(Захар ушел. Ефросинья сидит неподвижно)

ЕФРОСИНЬЯ. (Сама с собой) Как ему
скажешь уходи? Куда его прогонишь?

Снаружи вроде еще сильный, в а внутри -
пустой. Куда его прогонишь? Вот как
привелось...»

Из инсценировки
романа «Имя мое»
- Тверской театр драмы

АВТОР

Только она ему сейчас нужна, только она
может что-то

для него сделать... Петухи кричат... Теперь
уже с петушиным криком слух по Густичам
пойдет, что вернулся Захар Дерюгин...

Певица исполняет русскую
народную песню

«...Над Русской землей, над Густичами шли
годы. Рождались новые поколения, падали
оплодотворяющие землю теплые весенние
дожди. Нежно дымились ракиты на старом
густичинском погосте. Связующие людей
центры, нарушенные, а то начисто
разрубленные войной, начали мало-помалу
оживать, сращиваться, снова вступили в права
законы и страсти человеческой жизни».

«Судьба» 1988 г., с.721
изд-во «Художественная литература»

АВТОР

Над стихами я начал мучаться давно.
Необъяснима тайна творчества. Непонятно,
откуда приходит к человеку дар творить,
казалось бы, несовместимый с краткой
вспышкой человеческой жизни. Но из этих
мгновений, слабых вспышек уже выстроилась
неразнимаемая цепь, уходящая в прошлое, во
мрак времен, и бесстрашно нацеленная
дальнейшим восхождением в будущее...»

АКТРИСА И АКТЕР
читают стихи
Петра Проскурина

У каждого свои околицы,
Где падая в седые мхи,
Смиренно души наши молятся
За прежние свои грехи,
И где, в минуту безответную,
Подняв промытые глаза,
Опять мы видим даль заветную —
Свои дремучие леса.

Миру не нужен нищий,
Миру не нужен убогий,
Но на пустынной дороге,
Где ветер холодный свищет,
Кто же вспомнит о Боге?

Миру пророк не нужен —
Глухому чуждо сомнение,
Чуждо толпе знаменёв,
Но ко же в душевной стуже
Вспомнит о Воскресении?

Нет, никогда напрасно не жалея
Всех беспощадно солнцем опаленных,
Благослови исчезновение кораблей,
Благослови бездомных и любимых!
Благослови в глаза сказавших — нет! —
Соприкоснувшись с недлюстью всесиальной,

Благослови исполнивших обет
Надеяться

до тишины могильной;
Благослови хранителя ключей
От всех пороков и страстей бездонных,
Благослови же и тоску ночей
Всех к одиночеству приговоренных...

Дай мне, Творец, у края встать
С прощающей себя улыбкой
И помощи не признавать
Всего прошедшего ошибкой,
Дай первородной тьме в глаза
Взглянуть хотя бы на мгновенье,
Дай слабости не показать
Перед лицом исчезновенья
Дай мне до самого конца,
Единоборствуя с собою,
Остаться с факелом гонца,
Горящим над кромешной мглою.....

Урони свое сердце
В суглинки перепутья России
У связавших могилы и звезды
Пустынных дорог.
Пожалей всех забывших святое,
Ни о чем не проси их –
Все кривые блужданья
Затянет забвенья мох.
Пусть всегда отражаются
Звездные, вечные глубины –
Ты об этом скупое
На милости небо моли –
У того лишь в душе,
Кто страдает и любит
И от боли немой умирает
На рассветах земли.
Урони свое сердце в суглинки,
Ни о чем не жалея
И оно прорастет потаенной
Колдовскою травой
Что в положенный срок,
Когда в крике рябина алеет,
Опадет и в земле
Растворится водою живой

12
Октябрь

Все медленнее и тяжелее бег.

Рывок ! И сердце навсегда откажет...

А за спиной все слышнее смех

Десятой предпоследней стражи.

Скорей! И ты успеешь на паром,

И вновь увидишь паруса надежды,

И в сердце прогремит весенний гром,

С души срывая ветхие одежды.

И синий беспредельный океан

Вновь ошалело хлынет в душу.

И ты забудешь, как ночной обман,

Навеки исчезающую сушу. Скорее в даль, в простор без всяких вех!

Твой путь удача и судьба укажут!

А за спиной вновь угрюмый смех

Десятой предпоследней стражи.

Сихотворения песатаются по изданию:

"ЗОВ ВЕРШИН"

Издательство "Дебрянск"

Брянск, 1998 г.

АВТОР

Фонограмма:
электронная, космичес-
кая музыка

«Неостановима река времени – вечность. И нет ей дела до короткой, исчезающей мгновенно вспышки человеческой жизни. И только в отдельные мгновения – в ярости труда или в самоотвержении подвига, в жажде познания истины – человек как бы пробивается в вечность, становится вровень высшим в самом себе, с Богом.

Отказывая себе в самом необходимом, мы первыми шагнули в Космос, и это чудо явилось закономерным продолжением немыслимого подвига войны и Победы.

Народ должен как бы взглянуть на свой лик из далей почти божественных, из тех пространств и на том удалении, когда прорисовывается только суть, только главное и отсеивается наносное временное случайное. И народ увидел свой лик творца, созидателя, первопроходца... и в этом был смысл прорыва в Космос... Подвиг Космоса мог состояться, лишь имея под собой материк незаметного, повседневного, кропотливого труда дерюгиных, ивановых, петровых, но ведь недаром ликовала от океана до океана гигантская страна, и не было в ней человека, который не считал бы себя приобщенным к этому событию века!

...И опять Россия провожала своих сыновей в неизведанное, в Бессмертие. Они шли в огненно-освещенном солнцем пространстве, и где-то далеко внизу мягким светом светила голубая Земля. Они продолжали всматриваться в непроницаемую вечную, обозначенную миллиардами звезд и созвездий Вселенскую ночь. Они шли теперь над Африкой, над земными океанами и континентами с их историей, с непримиримыми тысячелетними борениями народов.

А где-то там внизу струилась зелень старых берез за околицей Гусищ, светились их голубовато-белые стволы. В душе Николая Дерюгина-младшего, сына Захара, возникло сейчас новое чувство, надежное и простое, он обязательно вернется на Землю, его там ждут.

... Николая Дерюгина уже не было, он навсегда слился с неизмеримыми пространствами Космоса, а на Земле его

ждали. Окутанная голубоватой дымкой Земля
встречала рассвет нового дня»

17.
«Имя твое»
Москва, 1979 г.

Певица и певец
Исполняют
«Эхо любви»
сл. Р. Рождественского,
муз. Е. Птичкина
из кинофильма «Любовь земная»

АВТОР

Здесь, у стены скорби, у памятного креста на
Красной Пресне теплятся поминальные
тоненькие свечи – память России по своим
дочерям и сыновьям, пытавшимся защитить и
отстоять в октябре 93-го Россию. Здесь все
освящено народной кровью, это место уже и
сейчас – один из огненных рубежей России,
ибо именно здесь пролег водораздел между
душой народа, его национальными
устремлениями, Национальной Русской идеей
и холодным нерассуждающим расчетом
правлящих мировых сил, вновь и вновь,
перекраивающих границы стран и
континентов.

Перед памятным крестом всегда ощущаешь
особое сосредоточение души – колеблется на
ветру пламя поминальных свечей, прямо в
душу глядят на тебя с фотографий молодые
ясные пытливые лица... Откуда и зачем
пришли в мир эти невинно загубленные души,
так и не успев сказать своего главного слова?
И не явились ли они в мир для пробуждения
оцепеневшей России свои подвигом?
Не в этом ли вечном и безымянном подвиге и
таится душа русского народа и истинно
русского человека?

Газета «Завтра» № 10 (66), март 1995 г.

«И кто слабым был,
Сильным стал тогда,
А кто сильным был
Стал еще сильнее.

И вскричали враги потрясенные:
 «Может, русские заколдованы?
 Их сразишь мечом,
 А они живут,
 Их пронзишь копьем,
 А они живут,
 Их убьешь сто раз,
 А они живут,
 А они живут
 И сражаются!»

*Р. Рожеславский
 канонич "Судьба"
 гонимый I*

На сцене – ансамбль
 русской народной музыки.
 Опять тема боения.

АВТОР

«... В Косицах машины пришлось оставить на обочине «бетонки»; до центральной усадьбы совхоза «Липницкий» оставалось метров двести в сторону, но нашим «Волгам» он оказались не под силу, и мы пошли своим ходом, выбирая твердые места. Мой двоюродный брат Сергей, встречая нас, принес на бетонку две пары резиновых сапог для меня и жены; Лиля переобулась, я из чувства солидарности к сопровождавшим нас из Брянска товарищам отказался. И мы, преодолевая немошное пространство проселочной дороги (а ведь всего двести метров!) оказались перед школой, где уже дожидался народ; вот тут я и понял, почувствовал, что з н а ч и л а для меня эта поездка. Я смотрел, узнавал и не узнавал знакомые лица, стало трудно дышать, немыслимая тяжесть навалилась на меня. И поразили меня не чистенькие нарядные дети, не директор совхоза, до сего дня упорно меня не замечающий, не признававший и сейчас растерянный свалившимся на его голову мероприятием; не сама встреча. Оглушительно поразили меня собравшиеся на встречу мои сверстники, ставшие старухами девушки, мои одноклассники, ставшие совершенными стариками... И даже не поразили, нет, не подходит здесь это слово, они как бы затопили, пронзили саму душу, в один момент вымыли из нее все наносное, ненужное, накопленное в долгом пути; я как бы и сам оказался на самом свету, весь без утайки, и мне нечего было скрывать – все они

знали. А то, что я куда-то бежал, бежал без передышки, бежал до самой последней минуты, стараясь догнать и схватить нечто несуществующее и, следовательно, ненужное, знал только я один. За несколько коротких секунд, пока мы всматривались друг в друга, два уже ни в чем не схожих мира, всматривались друг в друга, память неподкупная и шальная метнулась куда-то назад в глубины, и тотчас между детством и старостью исчезла граница...

... Тоньку Куркову я помнил рыжеватой отчаянной девчонкой; затем дерзкой в самом расцвете ее недолгого цветения женщиной, а сейчас передо мной стояла старуха с заплывшим от самогонки лицом; она и сейчас была навеселе, и поэтому ей не терпелось высказать поскорее нелестные для меня предположения.

- Неужели не узнаешь? – сказала она с обидой. Где уж помнить старое. Зазнался... А что вытворял? Неужто совсем забыл?
- Ну, как забыл, Тонь ничего я не забыл, – сказал я, пожимая ее твердую загорбелую ладонь; она замешкалась, мы обнялись, я неловко чмокнул ее куда-то в щеку и едва удержался от непрошено подступивших слез. От нее пахло водкой, одиночеством и какой-то прежней удалью. В ее тяжелом лице я впервые с такой ясностью и обнаженностью увидел и свой непереносимо долгий путь; в ней я впервые увидел себя, словно бежал, бежал, не разбирая дороги и с разбега остановился и ахнул. Оказывается, уже край, уже бежать некуда, все уже позади; в чужом, изношенном жизнью лице я увидел отпечаток своего пути; его необъятную протяженность и не подлежащий никакому переосмыслению результат – бессрочный паспорт российских дорог и своей судьбы.

Были и потом еще встречи, откровенные разговоры, когда появляется ощущение, что с души как бы само собой сползает защитная кожа. Душа кричит, ободранная и безответная... Но для меня главное уже состоялось там, в маленьком безвестном брянском поселке, моем родном поселке Косицы.

АКТЕР И АКТРИСА
читают стихотворения
Петра Проскурина

ПУТЬ

Над русскою судьбою небеса
Текут в своей непонятой красе,
В молитве тихой брянские леса –
Как след ребенка в утренней росе.
И весть пришла – разъяв земную грудь,
В глуши лесов прорезался родник.
И в нем, обозначая Русский путь,
Отобразился чей-то вещий лик.
И был сей воин светел и суров
И мерой жизни был готово сберечь
Лесной родник, основу всех основ,
И был в его руках разящий меч.
Текут в своей непонятой красе
Над русскою судьбою небеса,
И пробждаясь в утренней росе
Все выше, выше брянские леса

СУДЬБА

Снег на закатах вешних голубой,
А на восходах небывало розовый...
Как хорошо наедине с тобой,
Родимый край, до нежности березовый.
Я знаю, день всегда уходит в ночь,
Извечен ход смертей и воскресений.
Кто сможет, отчий край, тебе помочь
В моменты наивысших потрясений?
Уж только не друзья и не враги, -
Ты лишь до самого решительного боя,
Наперекор невзгодам, береги
И веру, и дыхание живое.
Я слушаю, а ты молчишь, молчишь,
И к сердцу сладкой мукой подступает
Твоя нерасколдованная тишь,
Судьба твоя, как тайна роковая

Снег на закате вешнем голубой,
А на восходе небывало розовый, -
Благослави меня своей судьбой,
Родимый край, душой своей березовый.

ПРОРОЧЕСТВО

Вновь цепи времени разорваны
У роковой седьмой версты,
И вновь над Русью стонут вороны,
Пластаясь в черные кресты.

Дитя во сне о счастье молится –
Да придет царствие твое...
А Русь уж за земной околицей –
Спешит в иное бытие.

И безымянный подвиг страждущих
Возносит вновь ее престол, -
И вновь в сердцах, прощенья жаждущих,
Ее пророческий глагол.

ГОЛОС ВЕКА.

Отринь иное бытие,
Пусть путь тернист и долог,
О, Русь, в значение свое
Вернись под звездный полог,-
Тревожен свет, неясна суть
Костров переселенца,
И сдержит ли земная грудь
Подобного младенца?
Но до абсурда прям и строг
Закон самой природы –
Не остановит даже Бог
Начавшиеся роды,
Обрушатся материи
И вспухнут океаны,
Затянет сон зыбун-реки
Исчезнувшие страны,
И хаос вздыбленных дорог –
Сии скрижали века –
Отметит вновь уставший Бог
Безумьем человека.

Явился отрок на пороге дня,
И взор его спокоен был и ясен.
Рассветный мрак улыбкой осеня,
Он возвестил, что Божий мир прекрасен.
Что каждый будет призван и прощан
За подвиг жизни, за любовь и веру,
И за слепое равенство сторон
Души разъятой, призванной к барьеру.
Но каждый с черной метою души
В стремлении слепого разрушенья
Не переступит больше рубежи
Страдания любви, добра, прощенья.
Улыбкой тихой утро осеня,
Вновь подтвердив, что подвиг не напрасен,
Встал отрок ясный на пороге дня
И возвестил, что Божий мир - прекрасен.

Май

Я не пришел к тебе, иная сила
Безумным светом сердце озаря,
Меня в чужие дали уводила
За самые последние моря,
За самые окраинные земли,
Где жизнь теряет все свои права,
Где время в чаше первородства дремлет,
Вобрав в себя и завтра, и вчера...
Да! Я взглянул в заветные пределы,
И боль освобождения прожгла
И душу мне, и трепетное тело -
Вместилище и радости, и зла.
Я был один во мраке, без движенья,
Но о тебе мелькнула в сердце мысль,
Как первый слабый проблеск возрожденья.
Благословление на любовь и жизнь.
И в беспощадном знаке отрицанья
Теперь простая истина видна -
Всю красоту и сложность мирозданья
В себе, как вечность, носишь ты одна.
И разум мой, изнемогая, тонет
В каком-то изнуряющем бреду -

Пусть мне не ощутить твоих ладоней,
Но я иду, к тебе, иду! Иду!

ДЕКАБРЬ

Я ничего не знаю о себе —
Кто я на этом свете и откуда...
Но лишь в твоих глазах, в твоей судьбе
Явилось объяснение, как чудо.
Не знаю, сколько лет и сколько зим
Искали мы во тьме свое начало,
И свет теперь в душе неугасим
До самого последнего причала.
Угаснут звезды, завершив свой путь.
Но мы в пустыне вечной мирозданья
Давай назначим вновь когда-нибудь
Пусть самое короткое свиданье
Спешить мы будем миллионы лет
На эту предначертанную встречу,
И будет наш еле заметный след
Во тьме росой новых звезд отмечен.
Я ничего не знаю о тебе —
Кто ты на этом свете и откуда...
Но присягаю я своей судьбе
За нашей встречи праздничное чудо.

Есть художники, нежно баюкающие душу,
нашептывающие измученному,
истерзанному сознанию сладкие сны; другие,
сметливые, дают на инстинкты. Самые
светлые чувства предаются поруганию,
втаптываются; как знамя, поднята
вседозволенность. Вплотную подступила
угроза духовного Чернобыля.
Продолжая традицию русского эпического
романа, подобно Толстому, Тургеневу,
Достоевскому, Шолохову, Леонову своим
творческим, писательским подвигом, всей
своей жизнью, Петр Проскурин укрепляет
основы нравственности народа, во главу
угла ставит, созидание, а не разрушение.
Создав, в лице Захара Дерюгина
собираТЕЛЬНЫЙ русский национальный
характер; он раз и навсегда ответил
лжепророкам всех мастей: «Несмотря ни на

что мы получим Великую Россию, просто 21.
другой она уже быть не может."

Газета "Советская Россия"

1997 г., июль, с.2

Конец

Видеоряд, кроме вышеуказанных кусков из художественных кинофильмов, может быть дополнен блоком фотографий из разных периодов жизни Петра Лукича, а также куском-блоком из телевизионного фильма "Сотворение судьбы" /Брянское телевидение/ и теленовелл и телепередач с участием самого Петра Лукича.

С уважением

Л. Проскуряков

Кольцо

Слова П. Проскурина
Музыка Ю. Клепалова

С движением ♩ = 85

Спокойно ♩ = 65

Ти-хой го-речь-ю рас-це-
тет по-лынъ, о-пус-ти коль-цо ты в реч-ну-ю синь. Ес-ли
жизнь тво-я лишь не-чаль-бе-да, ох, и пас-мур-ной ста-нет
синь во-да Ох, и пас-мур-ной ста-нет синь во-да.
мит не тро-ну-то све-жа-я тра-ва. Вновь шу-
мит не тро-ну-то све-жа-я тра-ва.

2. Поздней осенью
Отцветет полынь,
Опусти кольцо
Ты в речную стынъ.
Коль счастливая
Ждет тебя судьба,
В глубине речной
Расцветет звезда.

3. Журавлиный лет
Предосенний цвет,
Ох, девичье горе,
Словно росный след
Поцелует милый-
Не нужны слова,
Вновь шумит нетронута
Свежая трава.

муз. Черков
сл. Дербенева

исп. Кузнецов

Звезды по небу, словно снег,
Летняя ночь темна.
Что может сделать человек,
Если судьба одна?

Припев: Только одна дается доля,—
Так уж придуман мир.
Или согнись травинкой в поле,
Или судьбу сломи...
Согнись травинкой в поле
Или поспорь со своей судьбою!

Где-то в тумане спят хлеба,
Небо к утру синей.
Есть человек и есть судьба,—
Кто же из них сильнее?

Припев.

Может, порой не хватит сил
«Нет» отвечать судьбе,
Но, если твердо ты решил,
Силы найдешь в себе...

Припев.

Песня написана для радиосериала
по романам Петра Трошкуркина "Судьба"
— Из твоей "